

Глава 1

Они могли появиться в любой момент.

Он, спотыкаясь, метался по темному дому, лихорадочно шаря глазами по сторонам, всхлипывая от страха. Сколько у него еще времени? Час? Пожалуй, даже меньше. И он прекрасно знал, что они с ним сделают, когда доберутся сюда. Пытался не думать об этом, но все равно знал. Он слышал достаточно свидетельств тому, видел достаточно фотографий. «Господи, не допусти, чтобы такое случилось со мной!»

Ящик с инструментами нашелся на верхней полке в гараже. Когда он вытаскивал его, привстав на цыпочки, крышка открылась, и оттуда вывалилась отвертка, стукнув его по голове. Шипя от боли, он поставил ящик на пол. Порывшись внутри — металлический звон инструментов эхом разносился в пыльном пространстве. «Ну давай же, давай...» В конце концов вывалил содержимое ящика на пол, вздрогнув от громкого грохота железок. Кто-нибудь услышал? Соседи? Случайный прохожий, который уже звонит в полицию? Или, может, *они*?

Есть! Схватив плоскогубцы, он пулей метнулся из гаража; сердце упруго колотилось в груди.

Первым делом — вытащить GPS-трекер! Он упал на колени, пытаясь припомнить вызубренную некогда схему. Но было трудно сосредоточиться, трудно выровнять дыхание, а в голове крутились те жуткие вещи, которые ждали его, как только они доберутся сюда. Ожоги. Увечья.

Он сделал глубокий вдох, заставив себя сосредоточиться. Наступил момент, когда требовалось показать себя. Чего ты стоишь. Припомнить долгие часы практических занятий, зубрежки — подготовки к этому моменту.

Да, теперь вспомнил.

Зацепив скрытый трекер плоскогубцами, он резко рванул, выдергивая его из гнезда. Поднялся, весь дрожа, двинулся к туалету. Попытавшись сбросить трекер в унитаз, уронил в него вместе с ним и плоскогубцы. «Черт, черт, черт!» Кое-как выудил их, спустил воду.

Теперь микрофон. Этот расположен глубже, трудней подобраться.

Когда он засовывал плоскогубцы, пытаясь зацепить микрофон, что-то вспыхнуло в темноте. Заплата белого света — мобильник. Он подхватил его, уставился на экран. Новое сообщение.

Красная_Королева: Гусеница, ты тут?

Звали его, естественно, не Гусеница. Но все эти ники в интернете помогали им скрывать свое истинное обличье — замутив воду, замести следы. Надо было срочно ответить — сбить с толку тех, кто сейчас мог слушать, наблюдать, вести запись. Он дрожащим пальцем набил: «Я здесь», оставив смазанный кровавый след на экране — красное липкое пятно. Со своей ДНК и отпечатком пальца.

Красная_Королева: Видел ветку, которую только что открыли? Насчет тех детишек?

Ему захотелось разбить телефон вдребезги, наорать на Красную Королеву, что сейчас не время, что *они* могут появиться в любой момент, что он может спалиться... Но он заставил себя набить ответ — спокойный, короткий, без грамматических ошибок.

Гусеница: Занят. Потом посмотрю.

Выключил экран, вновь подхватил плоскогубцы.

Так в каком тут микрофон?

Ну да, в правом нижнем коренном зубе. Оттянув подбородок мертвеца, он просунул плоскогубцы над безвольно отвисшей челюстью, зацепил зуб. Сильный рыбок — и он выдернул его, едва не завалившись на спину. Почувствовал, как кровь на полу впитывается в джинсы.

Теперь опять в туалет — уже на более уверенных ногах. Зуб полетел в унитаз, плоскогубцы на сей раз остались в руке. Булькнув в воду, тот оставил за собой кровавый след, словно струйку красного дыма. Он смыл его.

Позволил себе улыбнуться. Получилось! Один из их агентов в минусе. Он стал первым, кому удалось это сделать. Они воевали с этой теневой группой уже больше трех лет, и иногда казалось, что битва эта совершенно безнадежна. Что эта могущественная клика извращенных мерзавцев совершенно неуязвима. В конце концов, Круг контролировал правительство, армию, полицию, средства массовой информации... Что может сделать с чем-то подобным жалкая горстка самых обычных людей?

Но, может, и вправду имелась веская причина, по которой он был избран вместе с остальными. И вот вам доказательство — он сделал это.

Обернувшись, он изучил свое лицо в зеркале. Взъерошенное, перемазанное кровью. Но торжествующее.

Вымыл руки в раковине, оставляя кровавые потеки на белом фаянсе и думая про *них*. Пытаясь представить себе, как они теперь будут действовать. Наверняка вскоре попытаются связаться со своим агентом. Ищи ветра в поле — попытки отследить GPS-трекер заведут их лишь в глубины городской канализации. У него есть какое-то время. Не слишком много — не особо-то мудро недооценивать противника. Но вполне достаточно, чтобы замести следы.

Вернувшись в гостиную, он включил свет — и на миг замер, впервые за все время по-настоящему осознав, что натворил. Мазки крови по всему полу. Лежащее на нем

тело — безжизненное, безучастное. Рот широко раскрыт, двух зубов не хватает, от губ тянутся кровавые нитки слюны.

Закружилась голова, даже пришлось прислониться к стене. Он поступил так, как следовало поступить. Это война, и он предпочел выступить на стороне невинных и беспомощных.

Войны — вообще дело кровавое.

И тут неуютная мысль. А вдруг он все не так понял? Вдруг в зубах, которые он выдернул, не было ни трекера, ни микрофона? Может, была какая-то ошибка в схеме — намеренный косяк с целью ввести противника в заблуждение?

«Никому не доверяй! Всегда думай на опережение».

Трекер с микрофоном могли скрываться в любом из оставшихся зубов. Перед ним по-прежнему еще много работы. Он в третий раз опустился на колени рядом с трупом, зацепил плоскогубцами еще один зуб.

Замер в нерешительности. Это просто безумие!

В конце концов, в инструментальном ящичке есть еще и молоток.

Глава 2

Запах плохого воспоминания способен заползти тебе в ноздри и застрять в голове на долгие часы, дни, недели.

Эбби Маллен всматривалась сквозь ветровое стекло прокатной машины, пытаясь дышать поглубже и заполнить нос запахом автомобильного освежителя воздуха. Вроде как хвойного, или же еще какой-то не слишком удачной имитацией древесного аромата. Это не помогало. Вонь, которую она обоняла всю последнюю неделю, которая уже снилась ей во сне, постоянно преследовала ее, так никуда и не деваясь.

Люди часто восторгаются тем, как какой-то запах способен подстегнуть воспоминания. Как аромат кори-

цы способен вернуть их в воскресное утро с бабушкой и ее домашними булочками. Или как благоухание букета из свежесрезанных цветов вызывает в памяти веселый весенний пикник.

Но вряд ли кто-нибудь скажет, что запах дезинфектанта сразу заставляет их припомнить, как они держали своего отца за руку в больнице, пока его жизнь отлетала прочь. Как вонь тухлятины возрождает в памяти тот момент из детства, когда они случайно набрали на дохлую собаку в лесу и впервые в жизни столкнулись со смертью.

И никто не станет говорить такого про дым. Удушающий, всепоглощающий дым, и про воспоминания, который он приносит с собой...

Эбби сидела за рулем, стиснув зубы. Одна часть ее сейчас была взрослой женщиной, матерью двоих детей, лейтенантом нью-йоркского управления полиции. Другая — семилетней девчонкой, на ощупь пробирающейся по туманному от дыма коридору с деревянными стенами¹.

Она кашляет, полуприкрыв залитые слезами глаза. Приглушенные крики из-за закрытой на засов двери, какая-то женщина умоляет выпустить ее. Мама? Или кто-то еще? Она должна их освободить!

Стены так и излучают жар — за ними наверняка уже натуральное адское пекло. И там закрыты десятки людей. Ею закрыты. Она ошиблась — наверное, что-то не так поняла. Но можно откинуть засов, и...

— Абигейл², а ну отойди оттуда! — вопит у нее за спиной Иден, и сама заходясь в кашле. Голос у нее испу-

---

¹ Здесь и далее: о событиях прошлого подробно рассказывается в романе М. Омера «Гибельное влияние». — *Здесь и далее прим. пер.*

² Несмотря на схожее звучание и написание, распространенное имя Эбигейл и менее известное Абигейл (Abigail и Abihail в англоязычном варианте) — это совершенно разные имена и даже с иврита, откуда они происходят, переводятся по-разному. Абигейл в русскоязычной библейской традиции — Авигея.

ганный, пронизанный отчаянием. Но она просто не понимает — тут какая-то ошибка, и мама с папой зовут на помощь.

*Дверь всего в паре шагов — Абихейл уже тянется к за-
сову, чтобы выпустить их.*

*Внезапно рука у нее на плече — отдергивает ее назад,
резко разворачивает.*

*Она кричит от злости и страха, пытается выр-
ваться.*

*И тут оглушительный взрыв — ударная волна отбра-
сывает ее в сторону. Вдруг жгучая боль в затылке, пламя
поглощает их обеих...*

Рука у нее невольно тянется к шраму на шее, и Эбби испускает судорожный вздох. Трогает жесткую заплатку у себя на коже — напоминание о том, что она больше не ребенок. Тот пожар — событие, которое пресса окрестила Бойней в секте Уилкокса, — уже несколько десятков лет как в прошлом.

И вот теперь, впервые более чем за тридцать лет, она опять в Северной Каролине — в том месте, где располагалось огороженное прочным забором поселение Семьи Уилкокса.

Огромного деревянного строения, в котором располагались часовня, офисы, общественная столовая и спальня самого Моисея Уилкокса, больше уже нет, конечно же. Оно сгорело дотла, а то, что осталось, давно уже убрали. Нет и трех больших спальных барачков, в которых все они тогда размещались.

На их месте возле дороги стоит большая угловатая гранитная плита. За ней — несколько деревьев, совершенно голых. Это клены, посаженные в память о тех, кто погиб здесь в огне. Она видела фотографии этого мемориала, сделанные осенью, — нежно-красная листва кленов резко контрастирует с мрачным оттенком плиты. А теперь этот эффект утерян — деревья всех оттенков серого, как и небо над ними. Серые, как дым.

Выйдя из машины, Эбби подошла к мемориалу. Провела пальцем по грубой гранитной поверхности, читая надпись на ней.

«В память о пятидесяти девяти невинных душах, жизни которых трагически оборвались двадцать третьего апреля 1987 года. Девяти из них было меньше восьми лет от роду».

Под этой надписью — имена в четыре колонки.

Она быстро проглядела список. В середине третьей колонки — «Марта Ричардсон» и «Дэвид Ричардсон». Ее мать и отец.

Мысленно вернувшись в детство, Эбби попыталась припомнить, как они выглядели. Свою мать, с которой она проводила бездну времени, собирая цветы на лугу и составляя букеты для цветочного магазина, ей удалось представить себе достаточно легко. Блондинка, как и сама Эбби, и волосы у нее ниспадали до самого пояса. Она стягивала их в конский хвост, не утруждаясь тем, чтобы скрыть особенность, что преследует Эбби и по сей день, — свои большие выступающие уши.

А вот отец — совсем другое дело. Припомнилось лишь, как Эбби держала его за руку во время застольных молитв — большую и всегда невероятно теплую. И всю исцарапанную — результат работы весь день с колючими цветами. Но помимо этой руки, больше она ничего не помнила.

Еще одно имя в самом низу колонки. «Моисей Уилкоккс». Секунду она смотрела на него, стиснув зубы. А потом, нахмурившись, пригляделась пристальней. Эбби думала, что погибшие указаны в алфавитном порядке, но в таком случае Моисей должен был быть упомянут в четвертой колонке, ближе к концу списка. Она быстро осознала, что это не так — у последних восьми жертв почему-то были указаны только имена, без фамилий.

Найдя своих родителей, Эбби по второму разу перечитала имена, обнаружив среди них еще несколько знакомых. Родителей Иден. Матери Исаака — его отец так и не присоединился к культуре. Ханны, которая работа-

ла на кухне и частенько пекла печенье для ребятишек. Эрика, который ходил раскорякой, всегда как-то странно поглядывая на нее, пугая ее.

Она удивилась, сколько имен здесь узнала — людей, про которых не вспоминала больше тридцати лет. И... даже вроде как нашла ошибку.

Дядьку, который ездил на грузовике и отвозил приготовленные матерью букеты в цветочный магазин, звали Джордж. И хотя она четырежды перечитала весь список, нигде его имени не нашла. Имелся там другой Джордж — Флетчер, но это был отец Иден, и Эбби точно знала, что это не он.

Вытащив телефон, она позвонила Иден.

— Привет, Эбби! — Голос у той звучал жизнерадостно — совсем не как у той насмерть перепуганной, сходящей с ума от отчаяния женщины, которой Эбби помогла два месяца назад.

— Привет. — Глаза Эбби машинально метнулись к именам родителей Иден. — Послушай, я только что доехала до мемориала...

Они уже обсуждали это еще до того, как Эбби вылетела в Северную Каролину. Недавнее воссоединение трех выживших после Бойни в секте Уилкокса — Эбби, Иден и Исаака — подняло некоторые вопросы, оставшиеся без ответа, и пробудило темные, давно забытые воспоминания. Эбби хотелось узнать больше. Иден с Исааком эта идея особо не вдохновила. Они предпочитали оставить прошлое позади. Тем не менее Иден попросила Эбби держать ее в курсе, если та что-нибудь вдруг обнаружит.

— Ну и как он выглядит? — спросила Иден.

— Ну не знаю... Как обычная памятная плита. Со списком имен.

Короткое молчание.

— Понятно.

— Я хотела у тебя спросить: ты не помнишь Джорджа? Не твоего папу — другого Джорджа.

— Который ездил на грузовике? Конечно. Он иногда брал меня с собой.

— А он был здесь до... — Эбби прокашлялась. — До са-
мого конца, верно?

— Угу... Насколько я помню, да. А что?

— По-моему, его тут забыли указать. Ты не помнишь
его фамилию?

— Понятия не имею. Я же была всего лишь ребен-
ком. — Иден как будто даже обиделась.

— Ну да. Как и все мы... Ладно, спасибо.

— Ты еще не встречалась с тем мужиком?

— Нет. Как раз собираюсь.

— Ладно. Удачи.

— Спасибо. Еще позвоню.

Эбби нажала на «отбой» и огляделась по сторонам,
после чего подобрала с обочины дороги небольшой
камешек и положила его на верхушку плиты. Провела
пальцем по изгибам рукописной «М» в имени матери.

А потом вернулась к машине и завела мотор, мыслен-
но готовясь ко встрече с человеком, который разделил
с ней один из худших моментов в ее жизни.

Глава 3

Дом располагался на не слишком-то населенной ули-
це, где деревья превосходили числом дома в соотноше-
нии двадцать к одному. Трава в садике была усыпана
крошечными белыми цветочками, словно в иллюстра-
ции к какой-то детской сказке. На крыльце в плетеном
кресле восседал седоволосый мужчина, покуривая сиг-
арету. У ног его лежал золотистый ретривер, положив
башку на передние лапы и прикрыв глаза.

Выбравшись из машины, Эбби подошла к нему.

— Простите...

— Всё вон там, за домом. — Мужчина махнул рукой,
небрежно удерживая сигарету двумя пальцами. — Про-
сто обойдите вокруг. Посмотрите, может, и найдете свои.

— Я... Что? Вообще-то я ищу Нормана Льюиса.

— Угу, это я. Говорю же вам, загляните... А-а, ну ладно, проехали. Давайте я вам покажу.

Он с кряхтением поднялся, держась за поясницу. Золотистый ретривер восторженно вскочил и последовал за Норманом Льюисом, который не спеша пошаркал на зады дома. Эбби в полном недоумении двинулась за ними. Завернув за угол, Норман остановился возле большой горы обуви и уставился на нее. Эбби подошла ближе и тоже обвела ее взглядом. Пес выжидающе посмотрел на нее, виляя хвостом.

Куча выглядела довольно жалко — вся обувь в ней была какая-то жеваная и грязная. Причем всех видов и размеров — несколько кроссовок, детский сапожок, красная женская туфля на высоком каблуке...

— Вот эта? — Норман показал на красную туфлю. — Похоже, ваш размерчик.

— Нет, гм...

— Не видите пока? А вторую вы с собой, часом, не захватили? Я бы тогда и сам искал. Он иногда их где-то закапывает, прежде чем принести сюда, так что это может занять пару дней.

— Мистер Льюис, я здесь не из-за потерянной туфли. Меня зовут Эбби Маллен. Мы вроде договаривались, что я к вам заскочу на этой неделе в любое время.

— О! — Брови у него взлетели вверх. — Так вы из полиции Нью-Йорка? Я и не думал, что вы в самом деле объявитесь.

Эбби смущенно развела руками — мол, вот она я.

Норман вновь опустил взгляд на гору обуви.

— Последнюю пару дней все только еще хуже. В прошлую субботу была гроза, и на улицах жуткая грязь. Все оставляют свою грязную обувь перед входом, а для Купера это просто праздник. — Он пожал плечами. — Ну ладно. Давайте пройдем в дом.

Он провел ее в небольшую уютную гостиную и уселся на маленький диванчик возрастом явно постарше Эбби. Сама она устроилась на единственном оставшемся месте в комнате — на кресле-качалке. Ку-

пер свернулся на коврике между ними и протяжно зевнул.

— Выпьете что-нибудь? Кофе? Чай? — спросил Норман.

— Нет, спасибо.

— Апельсиновый сок? Пиво? Просто водички?

— Нет, и вправду спасибо.

Норман откинулся на спинку диванчика.

— Как померла моя жена, два года назад, Купер пристрастился воровать у людей обувь. Не знаю почему — то ли это у него такой странный способ справляться с горем, то ли он думает, что это повышает мне настроение.

Заслышав свою кличку, Купер поднял голову. Эбби наклонилась к нему и почесала за ушами, и он завилял хвостом, хлопая им по полу. Для обувного фетишиста он оказался милейшим псом, какого Эбби только встречала.

— Поначалу он приносил только левые туфли. Девять штук. По-моему, этот пес в некотором роде гений. Вы когда-нибудь слышали, чтобы собака могла отличить левую туфлю от правой?

— Не слышала. — Эбби ухмыльнулась ему. Норман вроде как был рад компании, и ей очень не хотелось сейчас берeditь прошлое и разрушать очарование момента. Так что решила пару минут выждать.

— Но потом он притащил и несколько правых, так что я решил, что это было просто совпадение. Однажды принес мне клоунскую туфлю. Тридцати дюймов в длину, ярко-красную... Вы точно ничего не хотите?

— Нет, спасибо.

— Ну, как знаете. Так что же привело сотрудника нью-йоркской полиции в Эйден?

Она вздохнула.

— Я хотела расспросить вас о том, что произошло тут много лет назад. О пожаре в поселении Уилкокса.

— О... — Лицо у него помрачнело.

Какую-то секунду Эбби почти хотелось сказать, что вообще-то она и вправду потеряла туфлю и как раз поэтому-то и пришла. Но вместо этого произнесла: